

Фонотека — ее прошлое и будущее

В мире существует множество людей, у которых музыка составляет неотъемлемую часть их жизни. В первую очередь это, конечно, музыканты различных специальностей — исполнители, музыковеды, композиторы. Но не только они. Насколько велико число любителей музыки среди людей самых разных профессий, легко убедиться на любом филармоническом концерте или оперном представлении. И, несмотря на то, что музыкальные вкусы всех крайне разнообразны, можно с уверенностью говорить, что «отправной точкой» интереса к музыке у каждого человека было одно и то же, а именно — реальное звучание, исполнение какого-либо произведения, будь то пение матери или игра прославленного виртуоза.

Профессиональное совершенствование любого музыканта напрямую связано со слушанием музыки. Доказательством этому — биографии всех великих композиторов, в которых мы обязательно находим свидетельства того, с какой жадностью они стремились к посещению всевозможных музыкальных событий, преодолевая порой невероятные преграды (достаточно вспомнить знаменитый поход Баха в Любек — нашёлся ли бы сейчас человек, способный совершить такой подвиг?!).

Наша краткая преамбула приведена здесь с одной целью — подчеркнуть значение того отдела, без которого было бы невозможно представить себе жизнь петербургской консерватории. Этим особенным подразделением является фонотека.

«Сердце Консерватории» — так назвал её коллектив преподавателей. Эта меткая характеристика как нельзя более точно определяет роль кабинета звукозаписи в функционировании нашего вуза. С его историей связана не малая часть истории консерватории — и какой истории! С самого начала существования (1939 г.) кабинет стал любимым местом для прослушивания и обсуждения музыки. Сюда приходили такие «метры» как И. Соллертинский! Позднее — Б. Гутников, М. Вайман, В. Салманов. Как отмечал профессор М. Бялик: «Это ведь было не только наше техническое средство обучения, это была часть нашей души!» Часто пользовались услугами фонотеки для озвучивания своих лекций Д. Шостакович, М. Друскин, П. Вульфius, Г. Тигранов. Здесь были сделаны первые записи исполнителей — тогда ещё студентов консерватории, — чьи имена теперь стали всемирно известными: Е. Образцовой,

В. Атлантова, Г. Соколова и многих других. О том, каким событием в музыкальной жизни страны стала серия «Исторических концертов» музыкального кабинета, организованная И. Соллертинским, в кратком очерке и не скажешь.

Кто же были люди, стоявшие за всем этим? Конечно, велика заслуга тех, кто находился у руля руководства фонотекой — Н. Долговой, Е. Бобковской, Н. Кузнецовой. Необходимо отдать должное их энергии, профессионализму, умелому подходу к делу собирания материала. Но для многих студентов и преподавателей консерватории кабинет долгое время ассоциировался с именем четы Гомартели. Шли слушать музыку не в фонотеку, а «к Гомартели».

35 лет составило самоотверженное служение Александра Иосифовича и его супруги Марины Владимировны в консерваторском кабинете звукозаписи. Они стали легендой нашего вуза. Профессор Г. Абрамовский вспоминал шутовское высказывание И. Теслера: «Как в Грузии популярно слово “Цинандали”, так в консерватории

популярно имя Гомартели». Александр Иосифович, благодаря очень властному характеру, большой требовательности к себе и окружающим, немислимому трудолюбию, олицетворял своей деятельностью и неординарностью сам кабинет звукозаписи.

Авторитет, который приобрёл у всех молодой грузинский инженер, тем более впечатляет, что он не был музыкантом. Имел десять классов образования и сравнительно небольшой опыт работы на передвижной радиостанции во время войны – хотя на фронте отличился и был несколько раз награждён, в том числе медалью «За оборону Кавказа».

Начав работать в консерватории сразу же после войны, Гомартели с первых же дней развернул бурную деятельность. Он присутствовал на всех концертах, стараясь не пропустить ни одного исполнителя. Большая часть фонограмм фонотеки сделана его руками. Кроме того, Гомартели интуитивно ощущал необходимость сохранить многие записи, «не рекомендуемые» в то время к использованию. Благодаря ему, у нас остались на полках произведения Стравинского, Р. Штрауса, музыка в исполнении пианиста Корто и дирижёра Никиша и др.

Ярким подтверждением неординарности и таланта Александра Иосифовича являются воспоминания о нём педагогов консерватории.

З.М. Гусейнова — доктор искусствоведения, профессор, студентка в 1970 - 1975 гг:

«Профессионально исполняемая работа обладает поразительной особенностью: на неё не просто интересно смотреть, ей хочется следовать. Когда в свои студенческие годы я, как и все мои сокурсники, а также старше- и младшекурсники, входили со священным трепетом в Кабинет звукозаписи, то сама обстановка, неизменная доброжелательность и одновременно строгость в контролировании нашего “прослушивания музыки”, заставляла подумать о том, как было бы интересно, если бы твоей профессией стала именно эта работа — давать людям возможность слушать музыку.

Само “прослушивание музыки” было обязательной для нас формой занятий, и каждая группа имела для этого специальные часы в Кабинете звукозаписи. Но А.И. Гомартели избегал «келейности», он вывешивал объявления о прослушиваемых в определённый час сочинениях, и ты мог прийти познакомиться с интересующим тебя, пока “внепрограммным”, сочинением с любой группой. А.И. Гомартели советовал, какую запись лучше послушать, какие исполнения сопоставить. Ограниченные

в те годы возможности записи музыки, казалось, совсем не коснулись Кабинета. Богатство собранного Гомартели фонда — записанного на концертах, скопированного с некачественных записей — было уникальным для своего времени, сохранявшимся таковым в течение многих лет.

Удивительно, но оказалось совсем не трудно вспомнить сейчас о Гомартели. Вероятно, он принадлежал к тому типу людей, встреча с которыми — даже кратковременная — сохраняется в столь ненадёжном сосуде, как человеческая память, навсегда. Неброский, сдержанный, всегда занятый очень полезной для студентов и преподавателей работой, он привлекал к себе внимание особой — врождённой — интеллигентностью, уважительностью и сердечной строгостью. С годами всё больше и больше понимаешь, что именно эти качества ты ценишь в людях, прежде всего, и именно они помогают тебе оставаться тем, кем и должен быть человек — существом духовным и нравственным».

Особые отношения сложились у Гомартели с профессором Людмилой Григорьевной Ковнацкой:

«В студенческие годы (начало 60-х) мне редко приходилось бывать в кабинете звукозаписи: тогда мы, в основном, играли в четыре руки и по четырёхручным переложениям, и по партитурам. Приходили в Кабинет слушать современную западную музыку. В аспирантские же годы (конец 60-х), когда начала преподавать, стала завсегдатаем Кабинета звукозаписи, потому что взяла за правило на каждой лекции и на каждом семинаре давать студентам музыку в её реальном, партитурном и высокохудожественном исполнении.

С Кабинетом звукозаписи мои отношения складывались медленно — то было место, где симпатией одаряли только за профессиональные заслуги.

Там тогда работали супруги Гомартели: милейшая, любезная Марина Владимировна и суровый, критичный Александр Иосифович. С первого же момента стало ясно — в Кабинете существует собственный табель о рангах: кого-то привечали, кого-то едва замечали, кому-то давали записи мгновенно, кому-то приходилось ждать, на одних смотрели с симпатией, на других — с иронией. Барометром выступал, конечно же, Александр Иосифович. Молодому начинающему преподавателю было сложно в этом разобраться, просто чувствовалось, что всё здесь неспроста.

Меня Александр Иосифович с первой же встречи стал называть «барышней». Так и обращался: «Что желаете, барышня?» или, когда я пыталась уточнить заявку: «Идите в класс, барышня, всё будет в порядке».

Работала я тогда по 6–8 часов в день, была ассистентом М.С. Друскина на композиторском факультете, заменяла заболевших старших коллег и читала лекции едва ли не на всех исполнительских факультетах — как тогда говорили, “от Адама до Адама”. Помню, иногда после моего телефонного звонка из класса в Кабинет с просьбой поставить ту или иную запись возникали сложности: прошу, скажем, Лондонскую симфонию D–dur 104., а звучит Es–dur 103., прошу пьесы Веберна ор. 5., а мне ставят ор. 6. Конечно, я хранила молчание и ни звука не говорила сотрудникам Кабинета — не могла же вчерашняя студентка выговаривать старшим, тем более, что найти на пластинке или плёнке нужное место, как мне казалось, не легко. Однажды, раздосадованная погоней за сонатной формой в симфониях Гайдна я пожаловалась Михаилу Семёновичу Друскину на небрежность Александра Иосифовича. М.С. довольно спокойно спросил меня, приходила ли я в Кабинет с жалобой. Конечно, нет. “Вот и зря, — сказал он энергично, — никто ничего не путает, Вас просто проверяют, и теперь уверены, что Вы не различаете симфоний Гайдна, пьес Веберна и массу другой музыки. Обязательно дайте знать, что Вы замечаете ошибки”. Едва дождавшись следующего дня, я влетела в Кабинет звукозаписи и как можно деликатнее поведала Александру Иосифовичу о том, какие у меня иногда происходят сбои в работе. Он лукаво улыбнулся, отправил в класс, пообещав, что сам проследит за всем этим. Несомненно, сам — ведь “путаница” возникала только тогда, когда у магнитофонов находился он. С того момента не могу припомнить ни одного подобного случая — просто я сдала экзамен, и наши добрые отношения определились навсегда.

Чуть ироничная, а иногда даже задиристая манера общения Александра Иосифовича мне нравилась, привыкла и к его обращению “барышня”. Прошло много лет, и вот однажды прихожу перед лекцией, здороваюсь и в ответ слышу приветствие без всегдашнего “барышня”. Оставляю записку, беру телефон, иду в класс и понимаю, что не на шутку озадачена: что же случилось? — уж не провинилась ли в чём-то? Обычно перерывов внутри лекционной пары не делала, либо делала очень краткими — просто перевести дыхание, а тут объявила настоящий перерыв и отправилась в Кабинет звукозаписи. “Александр Иосифович, скажите мне, пожалуйста, “барышня”, а то я лекцию читать не могу!” А.И. рассмеялся, и плохое настроение как рукой сняло».

Очень тепло вспоминает Гомартели профессор Иван Сергеевич Федосеев — их общение переросла в настоящую дружбу:

«В далёком 1967 году, мы, студенты-первокурсники впервые пришли в 47-ой класс, где проводил большие поточные лекции по истории музыки П.А. Вульфius. Поначалу, обалдевшие от счастья, что мы поступили в ВУЗ, мы пытались проявить интерес к тому, что говорил Вульфius. Но всё нам было удивительно и непонятно: он ничего не диктовал, говорил о проблемах изучения истории музыки. И вдруг, где-то на третьем уроке, Павел Александрович снимает трубку с допотопного телефона и говорит: “Алло, пожалуйста, поставьте нам 2000 лет музыки, ой, спасибо вам большое, спасибо, спасибо...” Затем положил трубку и поучительно произнёс: “Главное – иметь хорошие отношения с кабинетом звукозаписи!”

Когда стало уже привычнее, мы всё равно боялись зайти в кабинет звукозаписи из-за очень сурового Александра Иосифовича. Но, видя наше стремление получить побольше музыкальных знаний, он смягчался и даже предоставлял для прослушивания большую студию. Одно из первых ярких впечатлений были “Страсти по Матфею” Баха. Поскольку времени было мало, а “Страсти” шли три часа, то нам никак не удавалось уложиться в отведённое для прослушивания время, и мы никак не могли дослушать их до конца. В следующий очередной раз, когда мы приходили, А.И. бросал с порога: “Опять Страсти что ли?” “Да, опять”. И так несколько раз. Так вот, слушаем свои “Страсти” и не замечаем, что время истекло, рабочее время давно кончилось. Наконец, появляется в дверях А.И. и, не заходя в студию, показывает на часы. Мы взмолились: “Пожалуйста, Александр Иосифович, дайте нам дослушать до № 47 — Арии альта!” “А, 47-ую, тогда можно”. И терпеливо ждёт, когда мы насладимся знаменитой арией.

Бывало, он часто заглядывал в студию посмотреть, не валяем ли мы дурака, внимательно ли мы слушаем музыку? Если он замечал нарушение заведённого порядка, то уже больше этого студента в студию не пускал. Он ценил тех, кому действительно было интересно слушать мировые шедевры.

Если происходило какое-либо важное музыкальное событие, премьера и пр. в Малом зале, то Александра Иосифовича не надо было приглашать, он был всегда тут как тут, расставлял микрофоны и аппаратуру и записывал по своей инициативе всё, что ранее никогда не звучало, пополняя тем самым фонотеку. Таким способом был записан концерт, где в первом отделении прозвучала моя дипломная работа — “Антем” Генделя для хора и оркестра (который до сих пор нигде не исполнялся) и работа моего сокурсника Анатолия Королёва со “Свадебкой” Стравинского. Всё это по настоящее время стоит на полках фонотеки.

Когда я уже начал преподавать, то всегда повторял студентам фразу П.А. Вульфюса: “В кабинете звукозаписи работают очень непростые люди, но очень преданные своему делу. Если вы им понравитесь, то вам будут ставить любую музыку, в любых количествах. Они ценят уважительное отношение к звукозаписи”».

Народный артист России, профессор Б.И. Тищенко, вспоминал, как в середине 50-х гг. он и другие студенты приходили в фонотеку знакомиться с «нелегальными» в то время произведениями: «Александр Иосифович, прикладывая палец ко рту, запирает за нами дверь, и мы слушаем запретную музыку. Именно здесь я познакомился с величайшим сочинением — 8-ой симфонией Шостаковича, а позднее и с 9-ой».

Достойной продолжательницей дела прежних сотрудников-энтузиастов стала Ольга Николаевна Змиевская, окончившая в своё время дирижёрский факультет нашей консерватории и взявшая в свои руки руководство фонотекой 2,5 года тому назад. Кабинет звукозаписи тогда был далёк от соответствия современным стандартам — со времён Александра Иосифовича здесь мало что изменилось.

С самого начала своей деятельности Ольга Николаевна поняла, как важно сохранить и привести в лучшее качество ценнейшие записи, собранные в фонотеке бывшими сотрудниками. Часть записей необходимо было восстановить, требовались специальные условия для их хранения. Вместе со своими сотрудниками — инженером-электроником Дмитрием Зайцевым, Людмилой Марихиной и др. — Ольге Николаевне удалось полностью отремонтировать помещение фонотеки и зал индивидуального прослушивания (458-ой кабинет), поэтому сейчас каждый студент имеет возможность прийти послушать музыку в комфортных условиях, пользуясь качественными записями.

Конец XX века привнёс необычно большое количество возможностей в мир техники: появились CD — носители информации, переводящие её в цифровой аналог, СС — компакт-кассеты. Первостепенной задачей работников фонотеки стала перепись с магнитных лент (МАГ) и пластинок (ДИ) на улучшенные носители. В этом были как свои достоинства, так и недостатки: например, CD можно слушать неограниченное количество раз, тогда как пластинка после многократного прослушивания портится. С другой стороны, хотя качество записи улучшается, всё же интереснее слушать запись «живую», с аплодисментами и фоном из зала.

Таким образом, возникла проблема: что лучше сохранить — старые или новые записи? Группа сотрудников фонотеки очень чутко подошла к этому вопросу, сохра-

нив старые записи и создавая новые. Все старые записи, портящиеся с течением времени: пластинки, магнитные ленты — были размещены в удобных закрытых шкафах для того, чтобы как можно меньше искажений появлялось на плёнках в ближайшее время.

В скором времени появилась новая проблема: далеко не все студенты могли найти именно того композитора или исполнителя, который им был нужен. С рвением и энтузиазмом Ольга Николаевна и её помощники взялись за составление двойного алфавитного каталога, который существовал и раньше, но был неточным и далеко не полным: первый — по фамилии композитора, второй — по фамилии исполнителя. До сих пор ведётся составление, дополнение второго каталога. При успешном завершении этой кропотливой и требующей огромных усилий работы педагоги и студенты консерватории смогут практически сразу найти нужного исполнителя.

В ближайшем будущем фонотека планирует открыть доступ студентов не к каталогам, а хотя бы к двум компьютерам, но пока это только в перспективе.

И ещё работники фонотеки надеются на тесное сотрудничество с коллективом консерватории: если Вы сочиняете музыку и хотите её записать, например, на кассету или уже имеете свою запись, приносите её, пожалуйста, в Кабинет — там эта запись под Вашей фамилией будет занесена в каталог (при необходимости она будет улучшена) и сохранена в фонотеке. Это окажется интересным и полезным Вам, студентам и педагогам, изучающим разные стилевые направления музыки!

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. Сборник «Из истории кабинета звукозаписи» под редакцией Л.Г. Данько. – СПбГК, 1999.
2. Записи бесед с М.В. и Н.А. Гомартели, профессорами СПбГК: З.М. Гусейновой, Л.Г. Ковнацкой, И.С. Федосеевым, сотрудниками фонотеки О.Н. Змиевской, Л.В. Марихиной, Д.Н. Зайцевым и др.